

Ольга Гурьякова в Париже и дома

Июль 2000г. - Записки - с. 6

«Наташа в исполнении Ольги Гурьяковой, юная и благоуханная, имела заслуженный успех» — так написал критик лондонской «Файнэншл таймс» о выступлении солистки московского Музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко Ольги Гурьяковой в новой постановке оперы Прокофьева «Война и мир» в парижской «Опера Бастий». Премьерные показы завершились, Ольга Гурьякова снова в Москве. 2 апреля она пела прославившую ее партию Ми-ми в «Богеме».

— Вам раньше не приходилось петь в «Войне и мире»?

— Да, я впервые пела «Войну и мир» и вообще первый раз Прокофьева. Все мы читали «Войну и мир» в школе, и, естественно, с Наташей Ростовской была давно знакома — и тут как будто снова встретилась с ней. Конечно, в опере отсутствуют какие-то подробности. Больше просто уже невозможно было в либретто вместить. Недаром, когда у Толстого спросили: «О чем ваш роман «Война и мир?»», он ответил: «Если бы можно выразить это двумя словами, я бы не стал писать четыре тома». Чем больше я слушала, разбирала партитуру, свою вокальную строчку, тем больше погружалась в особый мир. И восторгалась тем, насколько точно Прокофьев выписал все роли из романа, насколько острые музыкальные характеристики нашел героям.

— Оперу ставила американка, князь Андрей и Пьер — тоже американцы. Не было страшно оказаться в чужеродной среде?

— Я ехала с некоторым опасением. Я не знала, как будут распределены роли, знала только, что режиссером будет американка Франческа Дзамбелло. Два года назад я была на прослушивании в «Опера Бастий». Был большой конкурс Наташ, и основных претенденток вызывали в Париж, чтобы послушать уже в самом театре. Прослушивали меня директор Национальной оперы Юг Галь, дирижер Гари Бертини и вместе с ними режиссер. После того как я спела, она прибежала за сцену, представилась, смерила меня взглядом с ног до головы и по-русски спросила: «А какой у вас рост?» Я сказала: 170. Она встала рядом, сравнила с собой. Я сняла туфли на высоком каблучке, и она, убедившись, сказала: «Все нормально».

— Она уже тогда представляла, какого роста должна быть Наташа?

— Да, ведь она уже знала, какой у меня будет партнер. Я была в Париже в первый раз, всего один день. Был февраль, лил дождь, так что Париж я тогда не увидела. Зато сходила на «Кармен» с Нейлом Шикоффом в роли Хозе.

— И вот два года спустя начались репетиции. Как они проходили?

ВИКТОР АХЛОМОВ

Ольга Гурьякова

— Режиссер ставила конкретную задачу, и как ты с ней справишься — это твои карабканья. Если выходило не то, она говорила: «Мне это не нравится, попробуй иначе». Так, путем проб и ошибок, что-то получалось. Когда репетировали двенадцатую картину — это смерть князя Андрея — несколько первых репетиций ком в горле стоял, я ничего не могла ни спеть, ни просто выговорить. Когда я уже на репетиции проревелась, начало что-то вырисовываться. В этой сцене Наташа то ли действительно приходит к князю Андрею и он умирает почти у нее на руках, то ли это галлюцинация, все происходит в голове Андрея. Каждый зритель сам должен решить. Последний поцелуй — и Наташу какой-то силой, точно каким-то ветром уносит. То ли это дыхание смерти, то ли просто кончается галлюцинация Андрея. С неба сыплется серый жуткий снег, засыпает Андрея. Наташу вместе с ранеными закручивает метель. Спектакль поставлен почти кинематографически, нет ни одной паузы, когда зритель мог бы заскучать. Технически все сделано превосходно.

— «Опера Бастий» считается одним из самых современных оперных театров мира.

— Это огромное здание, потрясающе оснащенное. Но сказать, что в нем нет эстетических

излишеств, будет слишком мягко. При строительстве совсем не думали о красоте, главное — чтобы все было функционально. Акустически зал очень хорош, но глаз он не радует, это похоже на современный кинотеатр. Хорошо, что когда выходишь на сцену, в зале темно. Но работать там действительно удобно.

— Вы выступали в «Метрополитен», в «Ла Скала». Теперь вот премьера в «Опера Бастий». Насколько работа в западных театрах, постановки западных режиссеров отличаются от наших?

— На самом деле мне трудно сказать. Ведь в «Мет» я пела в постановке Мариинского театра. В «Ла Скала» тоже был русский режиссер Лев Долин — хотя и говорят, что у него западная манера режиссерской работы. Потом, он не оперный режиссер, а драматический, в этом тоже есть своя специфика. Конечно, для меня было очень интересно работать с Франческой. Удивительно приятный в жизни человек, умнейшая женщина. Она постоянно говорила мне: «Ольга, ради бога, никого не слушай. Делай так, как тебе подсказывает сердце. То что ты чувствуешь инстинктивно, интуитивно — это и правильно. У тебя такая природа, и ты должна делать только так, как ты чувствуешь». Это очень мне помогло. Как только я начинала искать

какие-то внешние эффекты, я чувствовала, что это не то. Не знаю, типичная ли это работа для западного режиссера. Ее очень хвалят, она сейчас популярна. Она тоже ставит не только оперы. Сейчас у нее коммерческий проект — какое-то сногшибательное шоу в Диснейленде. Сразу после «Войны и мира» она поехала в Лондон и ставит там мюзикл «Наполеон и Жозефина».

— Интересно получается: в Лондоне — про Наполеона, в Париже — про победу русской армии над французской.

— Я до самой премьеры думала: «Боже, что же будет в зале!» И потом, статисты, миманс, хор — все это в основном французы, и они полспектакля поют «Ура, наконец-то мы победили Наполеона, побили этих французов!» Но нет, все совершенно к этому нормально относились. Может быть, не было того патриотизма (или лжепатриотизма, не знаю), как я себе это представляла, слушая в записях, — этого «Слава! Урааа!». Конечно, наш хор спел бы это совсем иначе. Тут в хоре были китайцы, японцы, негртенки один стоял. Естественно, что они никаких особых патриотических чувств не испытывали. Но они в это старательно играли, профессионально делали свою работу.

— Вы часто возвращаетесь в Москву, поете в театре имени Станиславского. Что вас держит здесь, ведь можно было бы прекрасно прожить за рубежом, соглашаясь пусть даже на второстепенные роли.

— Да, наверняка. Можно было бы, но не мне. Я согреваюсь душой, приезжая сюда. Мне очень приятно петь в спектаклях вместе с маэстро Гореликом, с которым связаны мои первые шаги здесь, «Богема». Огромная работа, которая длилась почти год. Все это делалось в классе, потом на репетициях с Александром Борисовичем Тителем. Я не настолько загружена работой в таких прекрасных театрах, как «Опера Бастий», «Ла Скала», «Метрополитен», чтобы весь сезон был расписан. Естественно, приезжаешь домой, приходишь в свой родной театр. А как же иначе? Как поддерживать форму, как развиваться? Можно тихо сам с собою заниматься, что-то учить, готовить — что я и делаю вместе с моим любимым концертмейстером Евгенией Михайловной Арефьевой. Но если ты месяц-два не поешь в спектаклях, не выходишь на сцену — ты потихоньку начинаешь деградировать. Потом — я знаю, что у меня здесь есть свой зритель. Может быть, я уже потихоньку его теряю из-за больших перерывов в выступлениях. Сейчас у меня должно быть подряд много спектаклей: 30 марта «Эрнани», 2 апреля «Богема», потом «Таис», «Отелло», «Онегин». Потом я уезжаю... Но ненадолго.

Дмитрий АБАУЛИН